
МАЛЬТУЗИАНСКАЯ ЛОВУШКА В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ?*

Зинькина Ю. В.**

В статье исследуется феномен демографического и экономического отставания Тропической Африки, в результате которого для континента все еще релевантны риски и угрозы мальтузианского характера. Показано, что рост макроэкономических показателей за счет отдельных высокопроизводительных секторов в большинстве изученных стран не трансформировался в улучшение уровня жизни большинства населения, по-прежнему занятого в низкопроизводительном товарном хозяйстве. С учетом накопленной колоссальной демографической инерции и предстоящего неизбежного удвоения населения в ближайшие 30–40 лет в большинстве стран региона это может иметь глобальные дестабилизирующие последствия. Представлены практические рекомендации по снижению подобных рисков.

Ключевые слова: Тропическая Африка, глобальные риски, мальтузианская ловушка, демографический взрыв, рост населения.

The paper views the economic and demographic laggardness of Tropical Africa due to which the Malthusian-type risks and threats are still highly relevant to the region. We show that the macroeconomic improvements of recent years have largely failed to transform into visible improvement of the living standards of the majority of population (still employed in extremely low-productive smallholder agriculture). Accounting for the colossal demographic inertia and the already unavoidable population doubling in most Tropical African countries in the next 30–40 years, this is very likely to have globally destabilizing implications. We also present some practical recommendations on how to mitigate these risks.

Keywords: Tropical Africa, global risks, “Malthusian trap”, demographic explosion, population growth.

Введение

Изучение, с одной стороны, влияния глобализации на самый отстающий по многим показателям развития регион мира, а с другой – «вписывания» острых социально-экономических проблем Тропической Африки¹ в повестку дня глобального мира как нельзя лучше подчеркивает справедливость утверждения

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13-06-00336 «Анализ социально-демографического развития стран Тропической Африки: выявление ключевых факторов риска и модифицируемых управляющих параметров для разработки практических рекомендаций по предотвращению социально-демографического коллапса»).

** Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., с. н. с. Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС. E-mail: juliazin@list.ru.

¹ Здесь и далее мы используем региональный топоним «Тропическая Африка», включающий в себя все страны Африки южнее Сахары за исключением южноафриканских государств. Дело в том, что эти государства по целому ряду показателей развития выделяются в самостоятельный субрегион, резко контрастируя с государствами Западной, Центральной и Восточной Африки, которые мы и объединяем в понятие «Тропическая Африка».

А. Н. Чумакова: «...из того, что мировое сообщество стало единым, обретя и “общий дом”, и “общую судьбу”, и общую ответственность за происходящее в мире, вовсе не следует, что демократические ценности и цивилизационные принципы организации общественной жизни, по которым живет пока еще меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом» [Чумаков 2013: 25].

Дискуссии о роли различных аспектов глобализации в решении наиболее острых проблем африканской повестки дня и влиянии их на дальнейшие перспективы развития региона не утихают в последние годы; различные мнения, выражаемые учеными, экспертами, лицами, принимающими решения, и т. д., зачастую сильно разнятся, а иногда носят полярный характер.

С одной стороны, широко распространено мнение, что «шансов на равных войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран “периферии” почти нет» [Гранин 2014: 100]. Тропическая Африка, по меткому выражению академика А. М. Васильева, нередко рассматривается в качестве «падчерицы» глобализации: «Фронтальное наступление “свободного рынка” и глобализация привели к тому, что в странах Юга разрушаются государственные и социальные институты, ранее хоть в какой-то мере отвечавшие за благосостояние и защищенность человека, социальных, этнических или конфессиональных групп, за права человека. ...Под воздействием глобализации местные элиты или разрушаются, или вписываются в международную систему, но теряют ответственность за состояние своего социума» [Васильев 2012: 49].

С другой стороны, международными структурами, такими как Всемирный банк, Африканский банк развития и др., активно распространяется информация об успешно реализуемых проектах в самых разных областях социально-экономической жизни африканских государств, а также об отдельных выдающихся «историях успеха», будь то быстрорастущий сектор экономики, реорганизация системы здравоохранения и первичной медицинской помощи или же быстрое распространение отдельных видов ИКТ.

Более полутора десятков таких историй собраны в коллективной монографии «Да, Африка может! Истории успеха с динамичного континента», изданной под эгидой Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития [Yes, Africa... 2011]. В редакторском предисловии приводятся следующие показатели: если в 1978–1995 гг. годовые темпы роста ВВП в странах Тропической Африки составляли в среднем 2 %, то в 2003–2008 гг. они увеличились почти до 6 %. Особенно быстрым был экономический рост стран-нефтеэкспортеров, однако и у более чем 20 ненефтяных стран региона (где проживает более 40 % населения Тропической Африки) темпы экономического роста в 1995–2008 гг. составляли более 4 % в год. Поток прямых иностранных инвестиций в регион в этот же период увеличивался в среднем на 17 % ежегодно (при этом важными инвесторами стали Китай и Индия); основной объем приходился на добывающую промышленность, однако значительную долю инвестиций (особенно посевных) привлекали также строительство, банковский сектор, ИКТ. Экспорт стран Тропической Африки за период 1994–2008 гг. удвоился в объеме и вырос по стоимости в 5 раз [Yes, Africa... 2011: 2].

Африканский экономический обзор-2013, ежегодно выпускаемый Африканским банком развития совместно с другими международными структурами, каза-

лось бы, демонстрирует признаки несомненных улучшений в Тропической Африке: «Со времен “потерянных” 1980-х и начала 1990-х африканская экономическая динамика существенно улучшилась, и на континенте началось догоняющее развитие. С 1996 по 2010 г. среднегодовой рост ВВП Африки составил около 5 %, а ВВП на душу населения растет из года в год в среднем на 2,5 %. В результате в 2010 г. доход на душу населения в Африке превысил уровень 1995 г. на 46 %. Догоняющее развитие африканских экономик распространилось широко – за исключением лишь нескольких стран» [African... 2013: 22].

Мальтузианская ловушка

Тем не менее при столь впечатляющих макроэкономических успехах мы имеем основания утверждать, что значительная часть населения Тропической Африки (в особенности проживающая в сельской местности и занятая нетоварным сельским хозяйством) все еще находится в мальтузианской ловушке.

В западном экономическом дискурсе мальтузианская динамика нередко описывается моделями множественного равновесия. «Мальтузианская модель основывается на двух главных допущениях: во-первых, рост населения положительно реагирует на рост среднедушевого дохода. В тех случаях, когда заработная плата или доход в расчете на душу населения сокращаются, происходит снижение рождаемости (“превентивная мера”), а показатели смертности возрастают (“естественное препятствие”)... В соответствии со вторым допущением между среднедушевым доходом и численностью населения имеет место отрицательная связь, обусловленная убывающей отдачей от труда. <...> возникает множественное равновесие: общества могли переходить от одного состояния (многочисленное население, низкая заработная плата, маленькие города и низкая агрегированная норма смертности) к другому, характеризующемуся меньшей численностью населения, но более высокой заработной платой, более крупными городами и высокой смертностью. Переход экономики от одного равновесного состояния к другому мог инициироваться сильными шоковыми воздействиями, такими как пандемия “черной смерти”» [Мокир, Фотх 2014: 28, 35].

Однако применительно к современной Тропической Африке более точным будет другое определение мальтузианской ловушки, данное российским ученым А. В. Коротаевым, – это «типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания» [Коротаев и др. 2011: 45].

Соответственно главным вопросом в связи с этим будет – трансформируются ли (и в какой степени) макроэкономические успехи в улучшение уровня жизни большинства населения? Вероятно, наиболее репрезентативным показателем в этом отношении является ежедневное потребление продовольствия на душу населения. Наиболее поразительным результатом является то, что после более чем десяти лет успешного экономического роста все восточноафриканские страны (по данным ФАОСТАТ на 2009–2010 гг.) едва достигли в национальном масштабе минимально необходимой калорийности питания, установленной ВОЗ на уровне 2100 ккал/чел/день [FAO 2014].

Отметим также, что, согласно расчетам выдающегося специалиста в области экономической истории Г. Кларка [Clark 2007: 40–70], среднедушевое потребление продуктов питания ниже 2350 ккал в день, как правило, характерно для тех социальных систем, которые еще не смогли выбраться из мальтузианской ловушки. Таков, например, был уровень потребления продуктов питания в Англии в 1800 г., или в Бельгии в 1812 г., когда эти страны были на пороге выхода из ловушки [*Ibid.*: 50]. Большинство стран Восточной Африки в настоящее время находятся в диапазоне потребления продовольствия 2100–2300 ккал/чел/день. Тем не менее динамика этого показателя, приведшая их к этому уровню за последние годы, довольно сильно различается.

Одну группу стран можно условно назвать «успевающими» – они показали очень значительное улучшение в потреблении продовольствия в расчете на душу; оно увеличилось на 500–600 ккал/чел/день в течение нескольких 10–15 лет бурного экономического роста (начиная с середины или конца 1990-х гг.). Эта группа включает в себя Малави, Мозамбик, Руанду и Эфиопию. Однако все эти страны начали с уровня серьезного недоедания, граничащего с голодом (в 1995 г. – 1500 ккал/чел/день в Эфиопии, 1700 – в Мозамбике и Руанде, 1800 – в Малави), так что даже чрезвычайно высокие темпы экономического роста последних лет позволили им лишь достичь минимального за десять и более лет, они до сих пор едва достигли минимально необходимой калорийности питания, но отнюдь не превзошли порог ловушки в 2350 ккал на человека в день, идентифицированный Г. Кларком.

Более того, обеспечение дальнейшего роста потребления продовольствия на душу населения (или как минимум надежное сохранение уровня, достигнутого в настоящее время) потребует поддержания высоких темпов роста не только ВВП, но и подушевого ВВП. Принимая во внимание прогнозируемое удвоение численности населения в ближайшие 30–40 лет из-за отставания в демографическом переходе (см. далее), эта задача будет более сложной, чем когда-либо.

Но есть и другая группа стран Восточной Африки (включающая как минимум Кению, Танзанию и Уганду), где, как ни парадоксально на первый взгляд, замечательные успехи экономики в последнее десятилетие не произвели заметных улучшений в уровне жизни большинства населения – десять лет быстрого экономического роста (на 5–7 % в год) не сопровождалось сколько-нибудь значительным ростом душевого потребления продовольствия. Вместо этого, как показано на рис. 1, мы видим стагнацию на уровне 2000–2100 ккал в Кении, и слабый рост (всего на 200 ккал) в Танзании и Уганде с последующими падениями в обеих странах. Примечательно также, что ни одна страна из трех до сих пор не повторила свой максимум подушевого потребления продовольствия, достигнутый в 1970-е гг.

Еще более серьезная ситуация сложилась в Замбии, где, несмотря на ежегодный рост ВВП на 5–6 % на протяжении 2000-х гг., душевое потребление продовольствия непрерывно падало: с 2450 ккал на человека в день в 1997 г. до 1780 ккал к 2007 г. – это уровень серьезного недоедания, граничащего с полномасштабным голодом в стране.

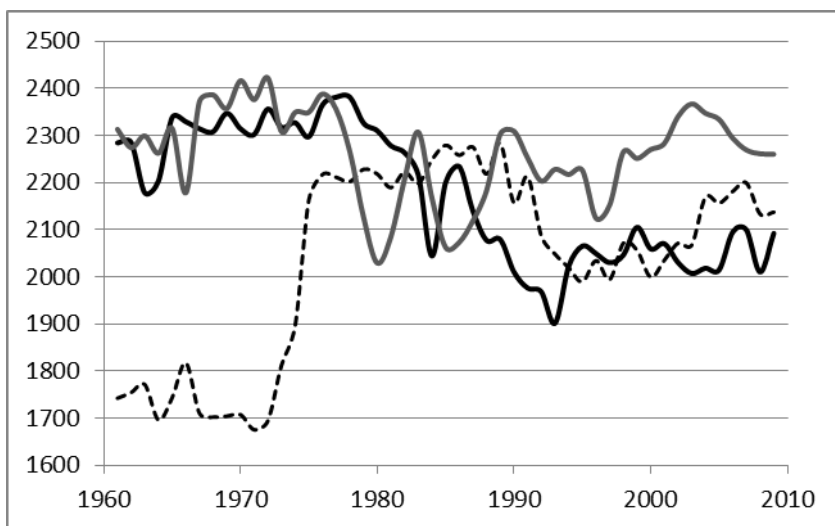

Рис. 1. Душевое потребление продовольствия в Кении, Танзании и Уганде, ккал на человека в день, 1960–2009 гг.

Примечание: Черной сплошной линией на рисунке обозначена Кения, серой сплошной линией – Уганда, пунктирной линией – Танзания.

Источник данных: FAO 2014.

Мы предлагаем следующее объяснение этого явления: быстрый экономический рост 2000-х гг. в этих странах в значительной степени достигался за счет гиперинтенсивного роста некоторых конкретных высокопродуктивных секторов экономики, где трудоустроена лишь очень небольшая часть населения этих стран, включая производство, банковское дело и финансы, связь и ИТ, торговлю, инфраструктуру и строительство, товарные культуры сельского хозяйства и т. д.

В то же время нетоварное сельское хозяйство, где до сих пор занято большинство населения, росло намного медленнее, не только значительно отставая от активно развивающихся экономических секторов, но и не поспевая за темпами роста населения. Так, в Уганде темпы роста аграрного сектора, трудоустраивающего около 65 % населения, в 2002–2010 гг. ежегодно составляли лишь 0,1–2,1 % [Ssewanyana *et al.* 2011]. Сходная ситуация наблюдается в Кении, Танзании и Замбии, где экономический рост сконцентрирован в секторах, трудоустраивающих лишь небольшую часть населения, в то время как для большинства населения, занятого в нетоварном сельском хозяйстве, уровень жизни остается крайне низким, а проблема продовольственной безопасности – совершенно реальной. Именно на счет крайне низкой производительности труда в нетоварном сельском хозяйстве следует отнести столь драматическую ситуацию с потреблением продовольствия (см. рис. 2).

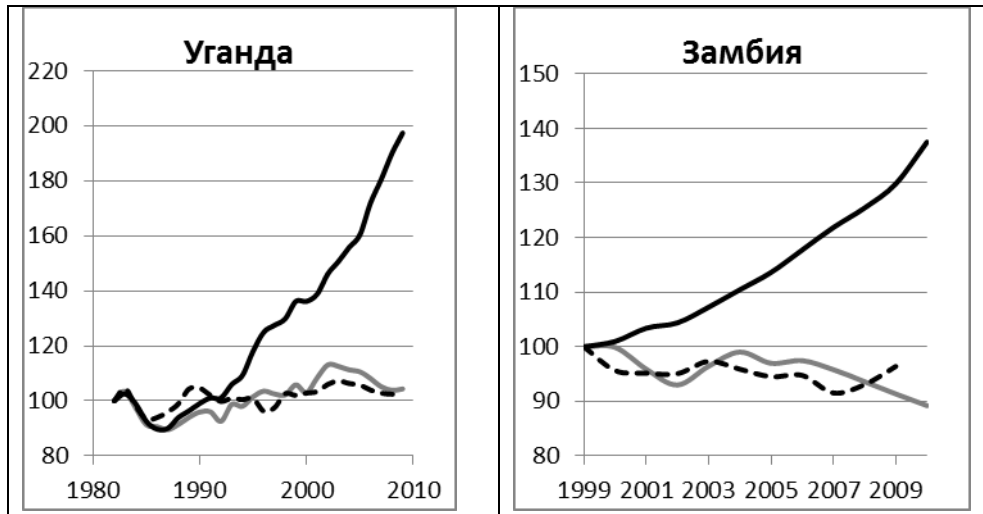

Рис. 2. Относительная динамика душевого ВВП, производительности труда в сельском хозяйстве на одного работника и уровень потребления продовольствия в Уганде (в 1980–2010 гг., 100 = уровень 1980 г.) и Замбии (в 1999–2010 гг., 100 = уровень 1999 г.)

Примечание: сплошная черная линия отображает динамику ВВП на душу населения; сплошная серая линия – динамику производительности труда в сельском хозяйстве на одного работника; пунктирная линия – динамику подушевого потребления продовольствия.

Источник данных: World Bank 2014.

Верна ли вторая часть определения мальтузианской ловушки для современной Тропической Африки – та, которая гласит, что причиной отсутствия роста производства на душу населения и улучшения уровня жизни в долгосрочной перспективе является демографический рост, обгоняющий рост производства средств к существованию? Наши предыдущие работы показывают, что как минимум для ряда стран региона это условие выполняется. Например, за три десятилетия (1980–2010 гг.) ВВП Кении вырос в 2,7 раза и его рост был в буквальном смысле «съеден» ростом населения (в 2,5 раза) [Зинькина 2012а; 2012б].

Демографические прогнозы

Угроза демографического взрыва была «на слуху» в мировом сообществе в 70-е гг. прошлого века, когда П. Эрлих писал свою знаменитую «Популяционную бомбу» [Ehrlich 1968; см. также: Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. 1990]. С тех пор большинство стран благополучно завершили демографический переход и более-менее стабилизировали численность населения (или как минимум сильно замедлили его рост). Соответственно программы, направленные на снижение темпов демографического роста, практически исчезли из повестки международной помощи развивающимся странам. Резко снизилась приоритетность (и сократились объемы финансирования) программ распространения практик планирования семьи в развивающихся странах [Зинькина 2014].

Однако к настоящему времени все более распространяется понимание того, что сворачивание активности в этом направлении международной помощи было преждевременным. Метко заметил американский демограф С. Бернстайн: «Гонка по снижению роста населения была, по сути, объявлена оконченной еще до того, как хоть кто-то пересек финишную черту» [Bernstein 2005: 129]. И действительно, демографическая статистика последних лет убедительно показывает: говорить о том, что проблема роста численности населения решена, было преждевременно, поскольку в целом ряде стран (особенно в Тропической Африке) население продолжает расти весьма быстрыми темпами – быстрее, чем когда-либо росло население мира в целом!

Эта проблема усугубляется накопленной инерцией роста населения – даже если рождаемость в ближайшее время опустится до уровня простого воспроизводства (что само по себе практически нереально, для достижения такого результата в ближайшие десятилетия правительствам придется приложить очень существенные усилия), население еще долго будет увеличиваться по инерции – по мере того как многочисленные когорты современных детей будут взрослеть и становиться многочисленным поколением родителей. К примеру, Танзания, где население в 2013 г. составило примерно 50 млн чел., по числу детей в возрасте 0–4 лет (примерно 8,5 млн) в том же 2013 г. догнала Россию [World Bank 2014: SP.POP.TOTL].

Прогноз Бюро народонаселения ООН показывает, что в XXI в. остался макро-регион мира, где угроза демографического взрыва не просто реальна, но является основным сценарием будущего на ближайшие десятилетия, – Африка южнее Сахары. Такие некрупные страны, как Нигер, Малави, Замбия (13–15 млн человек), к концу века сравняются по населению с современной Россией. Небольшие восточноафриканские страны (35–40 млн человек) Кения и Уганда вырастут до населения Советского Союза – 160–170 млн человек. Население Танзании достигнет численности населения России уже к 2050 г., а к концу нашего века будет превышать его более чем вдвое. Население же Нигерии будет превышать современную численность населения нашей страны почти в пять раз [UN Population Database 2015]. Такой взрывообразный рост населения, несомненно, способен обернуться для этих стран и для мирового сообщества в целом крупномасштабной гуманитарной катастрофой.

Уже сейчас имеются все основания утверждать, что быстрый рост населения «тянет вниз» развитие региона. В своей фундаментальной работе «Проблемы африканского роста» команда экспертов Всемирного банка во главе с Б. Дж. Ндулу (в чьем послужном списке значится должность главы Центрального банка Танзании) выделила шесть основных «уроков», которые, по их мнению, критически важно учитывать при планировании развития в африканских странах. Ндулу и его соавторы показали, что экономическое отставание Африки южнее Сахары от других развивающихся регионов примерно на две трети обусловлено отставанием в демографическом переходе, сохраняющимися чрезвычайно высокими темпами роста населения. Этот фактор, по их мнению, негативно влиял на развитие региона как минимум через два своих проявления: 1) необычайно высокий уровень коэффициента демографической нагрузки (числа иждивенцев, особенно малолетних, на одного работающего), связанное с ним налоговое бремя, а также нагрузка на население трудоспособного возраста по уходу за очень большим количеством

детей; 2) быстрый рост рабочей силы, потенциально являющийся положительным драйвером экономического развития, но также способный выступать и в роли негативной силы, если создание новых рабочих мест не поспевает за выходом на рынок труда все увеличивающихся когорт молодых работников.

Удвоение численности населения в ближайшие 30–40 лет со всей очевидностью серьезно усложнит ход практически всех процессов социально-экономического развития в регионе, в том числе станет колоссальным препятствием для роста производительности труда и уверенного выхода из мальтузианской ловушки.

Глобальные риски

Именно мальтузианская ловушка являлась в традиционных аграрных обществах основным генератором крупномасштабных внутривосточных потрясений [обзор работ на эту тему см. в: Коротчаев и др. 2010]. Сложно поверить, что в эпоху глобализации серьезные риски глобального масштаба могут быть связаны с мальтузианской ловушкой – угрозой доиндустриальных обществ, казалось бы, ушедшей в далекое прошлое.

Однако, как мы показали выше, для стран Тропической Африки мальтузианская ловушка все еще сохраняет свою актуальность.

Многие внутренние конфликты (вплоть до чрезвычайно кровопролитных гражданских войн) в различных африканских странах в последние десятилетия имели мальтузианскую подоплеку, и в ближайшем будущем риск возникновения подобных конфликтов вследствие продолжающегося действия мальтузианских факторов крайне высок, особенно с учетом того, что одни и те же факторы будут действовать одновременно почти во всех странах, охватывая собой значительную часть континента.

Так, геноцид 1994 г. в Руанде предварялся развитием событий по классическому мальтузианскому сценарию – нарастающей борьбой за землю в условиях совершенно недостаточных возможностей получения дохода вне аграрного сектора для большинства населения, повышения несправедливости распределения земли и распространения нелегального земельного рынка, роста численности безземельного населения и соответствующего роста социальной напряженности и проявлений насилия [Andre, Platteau 1998]. При этом численность жертв геноцида оказывалась выше в тех регионах страны, где была выше плотность населения и меньше возможностей для молодых мужчин получить земельный участок [Verpoorten 2012].

Анализ экономико-демографической динамики Эфиопии накануне свержения режима Менгисту Хайле Мариама также демонстрирует черты мальтузианской ловушки. В десятилетие, предшествовавшее падению режима Менгисту Хайле Мариама, общий тренд экономической динамики в Эфиопии был положительным. С 1981 г. по 1991 г. ВВП Эфиопии вырос достаточно заметно – на 12,5 %. Однако население Эфиопии за тот же период выросло значительно сильнее – почти на 40 %. В результате ежегодное производство ВВП на душу населения за этот период упало с крайне неблагоприятного уровня в 608 долларов ниже катастрофического уровня – 500 долларов. Аналогичное катастрофическое падение испытал и уровень обеспеченности населения продовольствием: среднечеловеческое потребление продовольствия обвалилось с 1831 ккал на человека в день в 1981 г.

(при рекомендованной ВОЗ норме 2300–2400 ккал) ниже физиологического минимума, заметная часть населения страны оказалась на грани голодной смерти. В такого рода ситуации для многих обитателей страны присоединение к криминальным группировкам (или повстанческим армиям, которые, как известно, легко трансформируются в криминальные группировки и наоборот) оказывается по своему логичным выбором, поскольку дает хоть какие-то шансы выжить [Коротаев и др. 2011: 58–60].

Подобное развитие событий наблюдалось в XX в. отнюдь не только в Эфиопии, но и во многих других странах, например в Мозамбике, Сомали, Демократической Республике Конго и т. д. [подробнее см., например: Там же; Коротаев и др. 2007: 178–200; Small, Singer 1982].

Итак, угроза мальтузианских катастроф в странах Тропической Африки весьма значима, если учесть, что ряд крупномасштабных социальных потрясений вплоть до кровопролитных гражданских войн, происходивших в различных странах в последние десятилетия, имел мальтузианскую подоплеку. Это отмечается и в прогнозах развития на ближайшие десятилетия (хотя, увы, не столь часто, чтобы попасть в приоритет международного внимания) как индивидуальными исследователями и исследовательскими коллективами, так и аналитиками международных институтов помощи развитию.

Демографическая ситуация в Тропической Африке может серьезно усугубить риски, связанные с глобальными миграционными процессами, в особенности с проблемой нелегальной миграции. По весьма точному замечанию И. В. Ивахнюк, «международная миграция трудовых ресурсов стала одной из наиболее характерных черт современной глобализации и одновременно несет в себе квинтэссенцию присущих глобализации проблем. Одна из принципиальных проблем – это противоречие интересов государств, принимающих мигрантов, и государств их происхождения на фоне нарастающей миграционной взаимозависимости стран» [Ивахнюк 2011: 109]. В настоящее время, по данным Отдела народонаселения ООН, ни во Франции, ни в Великобритании нет значительных (численно превосходящих 200 тыс.) контингентов «классических» международных мигрантов (то есть людей, живущих за пределами страны рождения) из каких-либо бывших колоний в Африке южнее Сахары (единственное исключение составляют мигранты из ЮАР в Великобритании, насчитывающие как раз около 200 тыс. человек). Этот факт можно считать эмпирическим подтверждением аргумента, что хотя в наименее развитых странах «выталкивающие» факторы миграции могут быть чрезвычайно сильны, но реальное число эмигрантов при этом может быть сравнительно невелико, поскольку абсолютное большинство населения не имеет необходимых для миграции финансовых, информационных, административных и других ресурсов [Зинькина и др. 2014; Zinkina, Korotayev 2014]. Однако предстоящее уже неизбежное (в силу накопленной демографической инерции) удвоение населения в большинстве стран Тропической Африки в ближайшие 30–35 лет может радикальным образом усилить «выталкивающие» факторы и тем самым в разы увеличить поток международной эмиграции из региона – притом немалую долю здесь будет занимать нелегальная миграция в различных ее проявлениях [см.: Алешковский, Ионцев 2008; Алешковский 2014]. Это может спровоцировать значительное обострение упомянутого И. В. Ивахнюк противоречия интересов государств происхождения мигрантов (в данном случае – стран Тропической Африки)

и государств, принимающих мигрантов, – можно предположить, что в первую очередь это будут государства первого мира (в особенности Великобритания и Франция), а также, в силу географической близости, страны Северной Африки.

Глобальные решения?

Еще в 1997 г. группа аналитиков Международного исследовательского института продовольственной политики в своем докладе о международной продовольственной ситуации и перспективах ее развития до 2020 г. указывала, что в Тропической Африке как минимум с начала 1970-х гг. отмечалась типично мальтузианская ситуация – рост численности населения обгонял рост производства продовольствия, в результате чего подушевое производство продовольствия сокращалось. При этом исследователи связывали надежды на выход Тропической Африки из мальтузианской ловушки с двумя факторами – задействованием потенциала современных технологий повышения производительности труда в сельском хозяйстве и достижением устойчивого экономического роста [Pinstруп-Andersen *et al.* 1997: 21–22].

Так, группа исследователей из Национального бюро экономических исследований США отмечает, что большинство стран Тропической Африки все еще остаются «в мальтузианском кризисе высокой смертности, высокой рождаемости и быстрого роста населения, сопровождаемого состоянием хронической экстремальной бедности» [Conley *et al.* 2007].

Н. Александратос [Alexandratos 2005] показал, что мальтузианская угроза сейчас в высшей степени актуальна для группы стран, сохранивших чрезвычайно высокий уровень рождаемости и соответственно очень быстрые темпы роста населения, при этом имеющих зачастую совершенно недостаточный уровень потребления продовольствия. Александратос выявил 19 стран, входящих в группу риска сверхвысокого роста населения – в этих странах на период 2000–2050 гг. прогнозировался рост населения более 1,8 % ежегодно. Абсолютное большинство таких государств находятся в Тропической Африке. С точки зрения глобального развития эти проблемы в ближайшие десятилетия будут значительно превосходить по масштабам возможных последствий проблемы падения рождаемости ниже уровня воспроизводства во многих развитых странах.

В целом работы, учитывающие влияние мальтузианских факторов на прогнозируемые тренды развития стран Тропической Африки в ближайшие десятилетия, довольно немногочисленны; однако еще более редки работы, исследующие пути смягчения риска мальтузианских катастроф в регионе. Доклад о международной продовольственной ситуации и перспективах ее развития до 2020 г., выполненный аналитиками Международного исследовательского института продовольственной политики, представляет собой едва ли не единственный документ международных институтов развития, содержащий прямую рекомендацию по выведению стран Тропической Африки из мальтузианской ловушки: обеспечение населения, занятого в сельском хозяйстве, доступом к высокопроизводительным технологиям, а также внедрение мер по снижению темпов роста населения [Pinstруп-Andersen *et al.* 1997: 21–22].

Определенные рекомендации по выведению стран Тропической Африки из мальтузианской ловушки дает также британский исследователь М. Кинг, называющий это состояние «демографической ловушкой» и продвигающий концепцию

«одна семья – один ребенок» в качестве единственного, по его мнению, средства, способного вывести Африку из демографической ловушки и предотвратить мальтузианские социально-демографические катастрофы. Кинг придерживается достаточно радикальной позиции, утверждая, что тема мальтузианской ловушки в Тропической Африке табуирована мировым сообществом, это является основной причиной бездействия, единственный же путь к спасению континента – скорейшее снижение рождаемости существенно ниже уровня простого воспроизводства населения (подобно китайской политике «одна семья – один ребенок») [см., например: King, Yi Wang 2006: 730].

Однако идеи Кинга едва ли можно считать практически применимыми, особенно с учетом того, что традиционные системы хозяйствования, распространенные в странах к югу от Сахары, имеют ряд некоторых принципиальных исторически сложившихся отличий от таковых в других регионах развивающегося мира. Эти отличия оказывают сильное влияние на ценности, социальные нормы и модели поведения, связанные с рождаемостью и воспроизводством, поддерживая устойчивость режима высокой рождаемости в странах Тропической Африки и обуславливая бóльшую «резистентность» африканских обществ к целому ряду факторов, значительно ускоривших прохождение перехода рождаемости в других регионах развивающегося мира [Зинькина 2015].

Магистральным путем снижения рождаемости в Тропической Африке и доведения ее до уровня простого воспроизводства должно стать повышение охвата женщин средним образованием за счет введения всеобщего обязательного среднего образования в странах Тропической Африки. Ряд фундаментальных демографических трудов показал, что женское образование является чрезвычайно значимым фактором, влияющим на уровень рождаемости; различными страновыми и региональными выборками доказано, что повышение женского образования снижает реальную рождаемость и, что особенно важно, желаемое количество детей на женщину.

Однако с учетом того, что это долгосрочная мера, эффект от которой даже при ее немедленном введении начнет сказываться лишь через 8–10 лет (по мере вступления девочек, получивших всеобщее среднее образование, в активный репродуктивный возраст), необходимо параллельно принимать и другие меры по снижению рождаемости, которые могут дать более быстрый эффект. В частности, необходимо внедрять масштабные программы распространения контрацепции, обеспечивая доступность услуг (и информацию о них) для населения, особенно в сельской местности. Сочетание стратегических (всеобщее среднее образование) и тактических (обеспечение массовой доступности практик планирования семьи) мер является весьма дорогостоящим, однако моделирование демографического будущего Африки показывает, что для большинства стран региона это единственный способ избежать одновременного демографического взрыва, способного привести к крупнейшей гуманитарной катастрофе в современной истории глобального мира.

Литература

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2(2). С. 77–87. (Aleshkovsky I. A.,

Iontsev V. A. Tendencies of the international migration in the globalizing world // *Vek globalizatsii*. 2008. No. 2(2). Pp. 77–87).

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // *Век глобализации*. 2014. № 2(14). С. 129–136. (Aleshkovsky I. A. Illegal migration as a phenomenon of the global world // *Vek globalizatsii*. 2014. No. 2(14). Pp. 129–136).

Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. М. : Восточная литература РАН, 2012. (Vasilyev A. M. Africa and challenges of the 21st century Moscow: East Literature of the Russian Academy of Sciences, 2012).

Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // *Век глобализации*. 2014. № 1(13). С. 90–103. (Granin Yu. D. Globalization: dialectics of historical forms of realization // *Vek globalizatsii*. 2014. No. 1(13). Pp. 90–103).

Зинькина Ю. В. Социально-демографическое развитие стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // *Восток*. 2012а. № 6. С. 120–130. (Zinkina Yu. V. Social and demographic development of the Eastern African countries (Kenya, Tanzania, Uganda) // *Vostok*. 2012а. No. 6. Pp. 120–130).

Зинькина Ю. В. Кения: прогноз структурно-демографических рисков // *Азия и Африка сегодня*. 2012б. № 6. С. 55–61. (Zinkina Yu. V. Kenya: forecast of structural and demographic risks // *Aziya i Afrika segodnya*. 2012б. No. 6. Pp. 55–61).

Зинькина Ю. В. Программы планирования семьи и их влияние на рождаемость: опыт развивающегося мира и перспективы применения в Африке // *Народонаселение*. 2014. № 3. С. 68–82. (Zinkina Yu. V. Family planning programs and their influence on the birth rate: experience of the developing world and perspectives of application in Africa // *Narodonaselenie*. 2014. No. 3. Pp. 68–82).

Зинькина Ю. В. «Пронаталистская культура» Тропической Африки: связь высокой рождаемости и традиционной системы хозяйствования // *Восток*. 2015. № 3. В печати. (Zinkina Yu. V. 'Pronatalistic culture' of Tropical Africa: relation between the high birth rate and traditional system of managing // *Vostok*. 2015. No. 3. In press).

Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Андреев А. И. Структура глобальной миграционной сети и динамические изменения Мир-Системы // *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*. 2014. № 1–2(2). С. 9–37. (Zinkina Yu. V., Korotayev A. V., Andreev A. I. The structure of global migratory network and dynamic changes of the World System // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i Geopolitika*. 2014. No. 1–2(2). Pp. 9–37).

Ивахнюк И. В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // *Век глобализации*. 2011. № 2(8). С. 109–125. (Ivakhnyuk I. V. Management of labor migration: contradictory lessons of global crisis // *Vek globalizatsii*. 2011. No. 2(8). Pp. 109–125).

Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны. М. : КомКнига/URSS, 2007. (Korotayev A. V., Komarova N. L., Khaltourina D. A. Laws of history. Secular cycles and millennial trends. Demography. Economy. Wars. Moscow: Komkniga/URSS, 2007).

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЛКИ/URSS, 2010. (Korotayev A. V., Kaltourina D. A., Malkov A. S., Bozhevovnov Yu. V., Kobzeva S. V., Zinkina Yu. V. Laws of history. Mathematical modeling and forecasting of global and regional devel-

opment. 3rd ed., rev. and add. Moscow: LKI/URSS, 2010).

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого, С. Ю. Малкова. М. : Красанд/URSS, 2011. С. 45–88. (Korotayev A. V., Khaltourina D. A., Kobzeva S. V., Zinkina Yu. V. A trap at the escape from the trap? About some features of political and demographic dynamics of modernizing systems // Projects and risks of the future. Concepts, models, instruments, forecasts / ed. by A. A. Akaev, A. V. Korotayev, G. G. Malinetsky, S. Yu. Malkov. Moscow: Krasand/URSS, 2011. Pp. 45–88).

Мокир Дж., Фотх Г.-И. Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1 (1700–1870) / под ред. С. Бродберри, К. О'Рурка. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 17–74. (Mokyr J., Voth H. J. Understanding growth in Europe, 1700–1870: theory and evidence // The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 1 (1700–1870) / ed. by S. Broadberry, K. O'Rourke. Moscow: The Gaidar Institute: Publishing House, 2014. Pp. 17–74).

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37. (Chumakov A. N. Theoretical and methodological grounds in researching processes of globalization // Vek globalizatsii. 2013. No. 2(12). Pp. 23–37).

African Economic Outlook 2013. Tunisia: African Development Bank, Organisation for Economic Co-operation and Development, United Nations Development Programme, United Nations Economic Commission for Africa, 2013.

Alexandratos N. Countries with Rapid Population Growth and Resource Constraints: Issues of Food, Agriculture, and Development // Population and Development Review. 2005. Vol. 31(2). Pp. 237–258.

André C., Platteau J.-P. Land Relations under Unbearable Stress: Rwanda Caught in the Malthusian Trap // Journal of Economic Behavior & Organization. 1998. Vol. 34(1). Pp. 1–47.

Bernstein S. The Changing Discourse on Population and Development: Toward a New Political Demography // Studies in Family Planning. 2005. Vol. 36(2). Pp. 127–132.

Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton : Princeton University Press, 2007.

Conley D., McCord G. C., Sachs J. D. 2007. Africa's Lagging Demographic Transition: Evidence from Exogenous Impacts of Malaria Ecology and Agricultural Technology // NBER Working Paper. 2007. No. 12892.

Ehrlich P. R. The Population Bomb. New York, NY : Ballantine, 1968.

Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. The Population Explosion. New York, NY : Simon & Schuster, 1990.

FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://faostat.fao.org/site/609/default.aspx#ancor> (дата доступа 26.04.2014).

King M., Yi Wang E. Looking into the Malthusian Abyss // Lancet. 2006. Vol. 367(9512). P. 730.

Ndulu B. J., Chakraborti L., Lijane L., Ramachandran V., Wolgin J. Challenges of Af-

rican Growth. Opportunities, Constraints, and Strategic Directions. Washington, D.C. : The World Bank, 2007.

Pinstrup-Andersen P., Pandya-Lorch R., Rosegrant M. W. The World Food Situation: Recent Developments, Emerging Issues, and Long-Term Prospects. 2020 Vision Food Policy report. Washington, D.C. : International Food Policy Research Institute, 1997.

Small M., Singer J. D. Resort to Arms: International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills, CA : Sage Publications, 1982.

Ssewanyana S., Matovu J. M., Twimukye E. Building Growth in Uganda // Yes Africa Can: Success Stories from a Dynamic Continent / Ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C. : The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. Pp. 51–65.

Yes, Africa Can: Success Stories from a Dynamic Continent / Ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2011.

UN Population Division. United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division Database [Электронный ресурс]. World Population Prospects. URL: <http://www.un.org/esa/population> (дата доступа: 27.02.2015).

Verpoorten M. Leave none to Claim the Land: A Malthusian Catastrophe in Rwanda? // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 49(4). Pp. 547–563.

World Bank. 2014. World Development Indicators Database [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата доступа: 25.03.2015).

Zinkina J., Korotayev A. What does Global Migration Network Say about Recent Changes in the World System Structure? // Journal for Multicultural Education. 2014. Vol. 8(3). Pp. 146–161.